

Нань И вдруг понял, что Цинь Июй отвечает на его вопрос, заданный в ванной.

Он не бредил.

Но ответ звучал настолько загадочно, что любой другой человек счел бы это ложью. Однако слушателем был он – странный человек, который тоже мог почувствовать его запах.

А как насчет шагов? Нань И не считал, что его походка чем-то отличалась от других. Цинь Июй не был львом или собакой, чтобы иметь настолько острый слух.

Поэтому он не стал сразу вырывать свою руку, а вместо этого посмотрел ему прямо в глаза и с чрезмерной серьезностью задал вопрос пьяному человеку:

- Почему ты сразу понял, что это я?

Чего он ожидал? Что Цинь Июй в состоянии алкогольного опьянения и высокой температуры сможет дать точный и рациональный ответ?

Казалось, пьяным был кто-то другой.

Удивительно, но Цинь Июй, похоже, действительно уловил его вопрос. Он смотрел на него, слегка наклонив голову, несколько секунд не моргая, а затем невнятно произнес:

- Ты ходишь очень уверенно, каждый шаг... твердый.

- И что?

Нань И даже не отступал.

Действительно ли это было так важно? Он даже забыл, что минуту назад их лица были близко, и Цинь Июй нежно терся носом о него. Человек, привыкший строить высокие стены вокруг себя, в присутствии Цинь Июя становился невероятно терпимым. Ни неясные чувства в полусне, ни пьяная ласка не казались странными. И он даже не осознавал этого.

Все это, казалось, было менее важно, чем ответ.

- Так можно узнать?

Цинь Июй снова засмеялся, глупо улыбаясь, и упал на мягкую подушку, но его взгляд все еще прилип к лицу Нань И.

- Другие просто зайдут, а ты нет...

- А что я сделаю?

- Ты остановишься за дверью.

- И потом?

- Потом? Ничего. – Голос Цинь Июя был тихим, он закрыл глаза, но улыбка не исчезла. – Как только ты остановишься и станет тихо, я пойму, что это ты.

В этот момент Нань И почувствовал, будто что-то легкое коснулось его.

Они знали друг друга не так долго, но Цинь Июй, казалось, уже хорошо его изучил. Он знал, что Нань И всегда следует за людьми, даже когда фотографируется, что он остановится, услышав разговор Чэн-Чэн с ним, и будет молча слушать, не издавая звуков.

Вот почему Цинь Июй пошел один, вот почему он не вышел с Чэн-Чэн, вот почему он намеренно шумел в ванной, чтобы выманить его.

Да, чьи шаги внезапно остановятся у двери ванной? Кто сразу решит, что другим нельзя принимать жаропонижающее?

Нань И впервые осознал, что он, всегда крайне осторожный во всем, перед этим человеком оставляет так много следов. Ничего не изменилось, как и тогда, когда он думал, что его «слежка» была бесшумной, но уже получил прозвище «маленький призрак».

Обычно оставлять следы – это неприятно, но, странным образом, сейчас он не чувствовал себя плохо. Наоборот, было какое-то странное удовлетворение.

Если бы это был кто-то другой, разве Цинь Июй обратил бы внимание на такие незначительные детали? Вряд ли. Он слишком хорошо знал этого человека – ему все равно.

Но разве эти следы, которые Цинь Июй держал в руках, не были также крючками? Крючками, которые Цинь Июй держал в своей ладони, позволяя ему тянуть за собой.

Для человека, чье детство прошло в тени, Нань И больше привык к хаотичным, сильным желаниям контроля, чем к ярким, липким чувствам, которые заставляют сердце биться чаще.

Из-за болезненного взросления его ожидания от будущего были скромными и недалекими: он хотел, чтобы те, кого он ненавидит, заплатили за свои поступки, и хотел стать музыкантом, который вернет Цинь Июя на вершину и будет стоять рядом с ним.

Но за эту короткую неделю, создавая музыку вместе, сбегая, возвращаясь в прошлое, стоя на сцене и крича от души, как подростки, мчась на велосипедах к закату – чего он даже никогда не делал – он вдруг понял, что второе желание было таким прекрасным, более захватывающим, чем он мог представить.

Одна вещь, которую он никому не сказал и не хотел говорить Цинь Июю: когда на сцене Цинь Июй прижался лбом к нему, чтобы спеть последнюю строку, кроме реального ощущения высокой температуры, его голова была заполнена одной мыслью.

[Я действительно хочу петь с этим человеком всю жизнь.]

Эта мысль была пугающей, как будто сердце выпрыгнуло из горла. Нань И с опозданием осознал это и, как в детстве, когда пытался скрыть угол, который невозможно было вычистить, спрятал эти чувства.

Нань И слишком хорошо знал себя. Он не мог быть ярким, ароматным цветком, не мог быть солнцем, освещающим землю, и не был бы спасителем.

Он был блестящим острым ножом, острым крючком, черной колючкой, но он хотел, чтобы Цинь Июй протянул ему руку.

А другой участник этих событий ничего не знал о темных мыслях.

Он крепко заснул, бормоча что-то непонятное.

Нань И вышел из своих размышлений, встал и с трудом нашел термометр и лед.

Писк - он посмотрел на показания: 38.9 градусов.

Как он вообще держался до сих пор, как будто ничего не случилось?

- Плавать... пойдём плавать...

Теперь он действительно начал бредить.

- Да, пойдём, - Нань И опустил глаза, отвечая невпопад, завернул лед в полотенце и аккуратно положил его на лоб Цинь Июя.

- Холодно... - Цинь Июй нахмурился от холода и потянулся, чтобы убрать лед, но Нань И остановил его.

- Вода в бассейне, конечно, холодная. - Одной рукой он удерживал его руку, другой придерживал лед, пока Цинь Июй не привык к температуре и перестал сопротивляться.

Он крепко заснул.

Ледяной компресс стал мягким, его заменили на новый. Спирт пропитал марлю, которой он протирал кожу на руках и шее, сосредоточенно, снова и снова.

Держа его запястье, Нань И вдруг подумал, что раньше он так тщательно протирал только свою гитару.

Неудивительно, что Цинь Июй во сне принял его руку за гриф гитары.

Но в конце концов, это было другое. Когда Нань И начал протирать его левую руку, все фантазии развеялись. Впервые он так близко рассматривал эту руку. Обычно он избегал смотреть на нее, помня, как неловко было Цинь Июю, когда он впервые спросил, не травмирована ли она. Но сегодня это было необходимо, чтобы снизить температуру.

Татуировка на этой руке была настолько изысканной, что искусно скрывала шрамы после операции. Но он смотрел слишком внимательно и все равно мог разглядеть эти раны через ветви и цветы - выпуклые, впалые, болезненные на ощупь.

Только что протер ладонь, как рука вдруг сжала его. Нань И поднял взгляд и увидел, что Цинь Июй снова начал бредить, на этот раз невнятно звал «маму».

Нань И замер, и воспоминания быстро перенесли его на три года назад, когда Цинь Июй исчез. Чтобы найти его, Нань И однажды пошел к его дому. День был жарким, солнце светило так ярко, что кружилась голова. Он долго искал дом Цинь Июя в том районе вилл и наконец нашел его, но как раз в тот момент, когда сотрудники службы безопасности наклеивали на дом печати.

Он остановил велосипед и стоял, уставившись на слова на печатях, не говоря ни слова. Возможно, из-за его взгляда, который трудно было игнорировать, даже сотрудники обернулись и осторожно спросили:

- Они вам тоже должны?

Нань И поднял глаза и быстро придумал план. Не моргнув, он сказал:

- Да, должны большую сумму. Сейчас с ними никак не связаться.

Он вошел в сад, который уже никто не ухаживал, и спросил:

- Вы не знаете, куда они переехали? Моя мама так расстроилась, что слегла, а дома ждут этих денег.

Он лгал без тени смущения, и сотрудники поверили ему, но их выражение лица было беспомощным:

- Мы тоже не можем с ними связаться, иначе бы не пришли сюда. Его отец пропал, а мать погибла в аварии недавно. Ее доставили в больницу за зданием суда, но спасти не удалось.

Эта информация ошеломила его.

Погибла? Как так?

Лицо Нань И горело от солнца, и эмоции, которые он так тщательно скрывал, вырвались наружу. Он быстро спросил:

- А их сын? Где он сейчас?

- Откуда мне знать. - Терпение сотрудника явно закончилось, и, как раз в этот момент, ему позвонили. Он ответил на звонок и махнул Нань И, чтобы тот уходил.

Но Нань И не ушел. Он стоял на месте, пока сотрудник не закончил разговор, целых полчаса.

- Я же сказал, что не знаю. - Сотрудник подошел и похлопал его по плечу, собираясь уходить. - Ладно, идите домой и ждите новостей. Возможно, вас свяжут после аукциона.

Но Нань И не хотел просто уходить.

Известие о смерти матери Цинь Июя висело над ним, как туча. Если его отец исчез, а мать погибла, то единственным, кто мог бы оформить документы, был Цинь Июй. Возможно, это был способ найти его.

Он снова сел на велосипед и отправился в больницу, о которой говорил сотрудник. Он обошел все этажи, от стойки регистрации до справочной, спрашивал всех, кого мог, но в больнице не стали бы легко раскрывать личную информацию пациентов, поэтому он не смог узнать ничего о Цинь Июе и его матери.

Но когда дело касалось Цинь Июя, Нань И всегда становился удачливее. В тот раз он тоже не ушел с пустыми руками, а случайно встретил в больнице знакомого человека - того, кто часто возил Чэнь Юня в школу и обратно. Чэнь Юнь называл его «управляющий Ван».

В тот день он проследил за управляющим до палаты, где лежал молодой парень, подключенный к трубкам и аппарату искусственной вентиляции легких. Рядом с ним никого не было. Когда Нань И подошел, появились врач и медсестра, поговорили и ушли.

После того как управляющий ушел, Нань И притворился одноклассником парня, зашел к нему и, под предлогом разговора, выведал информацию у соседа по палате. Так он узнал, что парня зовут Ли Буянь, он попал в аварию и стал овощем, лежит здесь уже некоторое время.

ДТП, пострадавший, управляющий из семьи Чэнь – эти ключевые слова, как ножи, вонзились в сердце Нань И.

Когда Цинь Июй был рядом, Нань И чувствовал, что его бесконечный план мести хоть как-то отступает на задний план. Но с исчезновением Цинь Июя, и невозможностью его найти, Нань И часто страдал от бессонницы из-за тревоги. Поэтому он часто приходил в эту больницу, молча подходил к палате и навещал жертву, которая, возможно, разделяла его боль и ненависть. Как и говорило его имя, этот парень не мог говорить, но Нань И, глядя на него, словно слышал все.

Чем чаще он приходил, тем больше узнавал о произошедшем, и тем больше сочувствовал. Хотя он знал, что сочувствие бесполезно, он мог реально помочь.

Он не ожидал, что это позже станет новым шагом в его плане мести и поможет ему найти важного союзника.

А началось все с того, что он просто хотел найти Цинь Июя.

Рука, державшая его, слегка ослабла, и мысли Нань И вернулись к реальности. Он не знал, как утешить Цинь Июя, и лишь легонько похлопал его по руке, а затем проверил температуру, прикоснувшись тыльной стороной ладони к его уху.

К счастью, температура наконец спала.

Ухаживать за кем-то – это не его талант, но он сделал все, что мог. Он заменил полотенце, слегка отжал его и положил на лоб Цинь Июя, а затем поставил стакан воды на тумбочку.

На рассвете Цинь Июй внезапно проснулся.

Ему приснился очень длинный сон. Он плыл на яхте, смотрел на дельфинов с палубы, но вдруг оступился и упал в море. Вода была ледяной, он изо всех сил плыл, но у него свело ногу, и он чуть не умер. Но тут появилась русалка, обхватила его за талию и вытащила на берег – какая сильная русалка!

Он лежал на песке, чувствуя, как тень падает на его лицо. Он с трудом открыл глаза и испугался: русалка собиралась сделать ему искусственное дыхание!

Но это было не главной причиной его испуга. Самое важное было в том, что у русалки было лицо Нань И.

Во сне его лицо горело, тело будто пылало, но он не мог пошевелиться. Нань И был таким же холодным и крутым, без эмоций, но его пальцы раздвинули губы Цинь Июя, и он наклонился, готовый прикоснуться к ним. Они были так близко, почти соприкоснулись.

И он проснулся!

Цинь Июй тупо уставился в потолок, пытаясь снова заснуть.

Но сонливости как не бывало!

Он глубоко вздохнул, попытался пошевелиться и понял, что весь промок, а мышцы болели. Он оперся на руки, чтобы сесть, и увидел, что Нань И спит, склонившись у его кровати, все еще сжимая в руке маленькое полотенце.

Он смутно вспоминал, что произошло прошлой ночью. Он выпил много алкоголя, увидел, как Нань И и трое из «Змеи» весело фотографируются и разговаривают, даже не глядя в его сторону, и ему стало неприятно. Он встал и пошел в ванную.

Только он помыл руки, как услышал шум у двери. Сначала подумал, что это Нань И, но звук был не похож. Он поднял голову и увидел того самого рыжего хомяка.

На самом деле, нужно было слушать фанатов внимательно, это основы, но в тот момент он был рассеян. Пока не услышал новые шаги за дверью, которые становились все ближе и наконец остановились.

Он был уверен, что это Нань И.

Пьяный и с озорным настроением, он намеренно опрокинул мусорное ведро, наблюдая, как Нань И с тревогой входит, и был очень доволен.

Когда он притворился пьяным и упал в его объятия, он подумал: «Ты, наверное, счастлив».

Вспоминая это, Цинь Июй чувствовал, что это было очень забавно.

Но он сильно переоценил свою устойчивость к алкоголю. Он только успел проехать на лифте, пройти по коридору, и еще не дошел до двери общежития, как действительно отключился.

Так план наблюдения за объектом его тайной влюбленности был неожиданно прерван.

На тумбочке лежали три или четыре растаявших пакета со льдом, мягкие и бесформенные, а также стакан воды и открытый флакон спирта. Просто увидев это, Цинь Июй все понял.

Оказывается, его сны не были беспочвенными, у всего была причина.

Ухаживать за ним до изнеможения – это уже слишком.

Или он специально уснул у его кровати? Это тоже возможно.

Мокрая одежда неприятно прилипла к телу, и Цинь Июй снял футболку, собираясь переодеться, но Нань И как раз лежал у его колен, и он боялся, что любое движение разбудит его.

Нань И выглядел уставшим, его руки были сложены под головой, он лежал на боку и крепко спал. Его волосы слегка растрепались, открывая красивые брови и глаза. Цинь Июй наклонился ближе, внимательно разглядывая его.

Когда он не носил пирсинг на брови, маленькие дырочки были почти незаметны, их можно было найти только при близком рассмотрении. Наверное, в школе он тоже так выглядел? Дырки были, но, вероятно, он не носил украшения.

А как насчет сережек?

Его взгляд невольно скользил по уху Нань И, считая дырочки одну за другой, пока не остановился на мочке правого уха – единственной пустой дырочке, которую он сам проколол.

Цинь Июй протянул руку, коснулся ее кончиком пальца, а затем быстро посмотрел на его лицо.

Но он спал крепче, чем ожидалось, и не реагировал.

Кажется, этот человек ни к чему не чувствителен, и не боится боли, раз сделал столько проколов. Цинь Июй вспомнил, как прокалывал губу – это было так больно, что он не мог спать, несколько дней ел только кашу, и даже мама смеялась над ним: «Ты же такой сильный, а тут не можешь вытерпеть такую малость?»

Действительно, по сравнению с тем, что было потом, это была ерунда. Цинь Июй потрогал свою сережку в губе и случайно снял ее. Маленькое серебряное кольцо с крошечным бриллиантом упало рядом с пальцами Нань И.

Возможно, потому что оно лежало рядом с его пальцами, у Цинь Июя возникла странная идея. Он осторожно взял его мизинец, очень аккуратно, боясь, что он вдруг проснется. Цинь Июй плохо знал сказки, но помнил, что в истории о русалочке она вышла на берег, встретила принца, и потом они танцевали? А потом она потеряла туфельку? Кажется, это была дорогая туфелька, вернул ли ее принц? Он не помнил. Цинь Июй был в замешательстве, но решил, что раз уж ему приснилась русалка, то нужно следовать сюжету! Если за танцы нужно платить, то он тоже должен что-то оставить!

Но в последний момент он передумал и выбрал новую цель.

Когда Нань И проснулся, он увидел потолок и на мгновение растерялся. Затем он понял, что лежит на кровати, но не помнил, как туда попал.

Он быстро повернулся, посмотрел на другую кровать – Цинь Июя не было, но на тумбочке между кроватями стояла тарелка с поджаренным тостом и яичницей, а также стакан молока. Под тарелкой лежала записка. Нань И вытащил ее, прищурился и прочитал.

[Завтрак для Нань И, который подарил мне еще один день жизни. Это награда (и не только).

Не знаю, любишь ли ты яичницу с одной стороны или с двух, поэтому приготовил оба варианта. Не обязательно есть все.

Спасибо!]

Он нарисовал улыбающуюся голову льва.

Яичница выглядела отлично, а рисунок был ужасен.

На лице Нань И появилась улыбка, но он быстро ее скрыл. Он сел, уставившись на эту «награду».

Что значит «и не только»?

Он не мог понять. Голова была тяжелой, и он решил сначала умыться. Подойдя к зеркалу, он умылся холодной водой, чтобы быстрее прийти в себя, и случайно коснулся уха. Что-то было не так.

Он поднял мокрое лицо, посмотрел в зеркало, несколько секунд смотрел, а затем резко приблизился, повернув голову, но не отрывая взгляда.

На его правой мочке уха, которая еще вчера была пустой, теперь сверкало маленькое серебряное кольцо с крошечным бриллиантом, похожим на звезду.

Заметки от автора:

«Дневник наблюдений за Нань И»

Дата: Сегодня какое число?

Погода: Только что был дождь, а теперь яркое солнце – странная погода.

Прошлой ночью Нань И ухаживал за мной всю ночь. Судя по оставшимся уликам, он прикладывал мне лед и использовал спирт для снижения температуры. Если использовал спирт, значит, наверное, протирал меня? Должно быть, ему было очень стыдно и волнительно (хорошо, что я недавно занимался спортом с Янь Цзи, и у меня появились кубики на животе).

Я впервые увидел, как он спит. Ресницы такие длинные, волосы и мочки ушей мягкие, приятно трогать (я не специально его трогал, он ведь тоже трогал меня прошлой ночью, так что это справедливо).

Спать, склонившись, неудобно, лучше вернуться в кровать. Он спал так крепко, что даже не проснулся, когда я взял его на руки (он легче, чем я думал, но ноги действительно длинные). Моя кровать вся промокла, спать там нельзя, так что лучше положить его на его кровать.

Не знаю почему, но я не смог снова заснуть. Мой сон не закончился! Ворочался, ворочался, проголодался, встал и пошел на кухню за едой. Не буду хвастаться, но я мастерски жарю яичницу, почти как пишу песни. Нужно, чтобы Нань И это увидел...

И я пожарил десять яиц.

Потому что никак не мог сделать идеальное, в итоге выбрал одно с одной стороны и одно с двух, а остальные восемь разделил с Янь Цзи (он был так благодарен за четыре яйца, что мне стало неловко).

Интересно, когда Нань И заметит сережку? Я специально продезинфицировал ее спиртом перед тем, как надеть. Когда обнаружит, наверное, будет счастлив. Пойду проверю и запишу в завтрашний дневник наблюдений.

<http://bllate.org/book/14694/1313163>